

Сузанович В. Б., Шаповалова Л. И. (Могилев),
кандидаты филологических наук,
доценты Могилевского госуниверситета им. А. А. Кулешова

СОЧИНЕНИЯ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ МОРФОЛОГИИ

Литературное наследие Кирилла Туровского велико и жанрово разнообразно; его слова-проповеди, поучения, молитвы несут на себе, по словам проф. И. П. Еремина, печать высокой литературной культуры и потому привлекают внимание исследователей-лингвистов, которые изучают тексты этих сочинений главным образом в лексико-семантическом и стилистическом аспектах. Между тем более поздние списки указанных произведений могут стать объектом исторической морфологии, поскольку в период между созданием произведения Кириллом Туровским и временем подготовки списка в морфологической системе произошли существенные изменения. Вот почему в данной работе делается попытка на примере списка конца XIV в. «Слова Кирилла Туровского на антипасху» (само «Слово» предположительно написано в сер. XII в.) проследить перестройку системы склонения существительных, происходившую в XII — XIV вв. Язык «Слова» представляет интерес и в том отношении, что, будучи образцом наиболее популярного жанра древнерусской ораторской прозы, он во многом сохраняет исконные падежные формы существительных разных типов.

По нашим подсчетам, в «Слове» употреблено около 450 словоформ существительных. Здесь представлены слова всех 6 типов древнерусского склонения, однако, как показывают наши наблюдения, в памятнике практически выступают 4 типа склонения — на *-*о*, *-*а*, *-*і* и на согласный. Несомненно, самыми продуктивными оказываются склонения на *-*о* и *-*а*: первый включает наибольшее количество словоформ (262), второй, уступая по количеству слов (97), единственный из всех типов представлен в памятнике полной парадигмой. Склонения типа *сынъ* и типа *любы* отмечены единичными словоформами (И.п. мн.ч. *чинове* и Р.п. ед.ч. *любве*, *крове*), что, вероятно, свидетельствует об утрате данных типов склонения.

1. Как известно, при формировании парадигмы **единственного числа** современного 2-го склонения в пределах твердого варианта с XI в. имело место взаимодействие существительных муж. р. склонения с древней основой на *-*о* и с основой на *-*ѣв* формах Р.п., Д.п., М.п. (другие падежные формы этих типов склонения исконно совпали). На раннем этапе взаимодействия отмечался обмен окончаниями существительных указанных типов, что отразилось и в тексте «Слова»: так, наряду с исконной формой Д. п. *бог-у* трижды употреб-

ляется форма *бог-ови* с окончанием склонения с основой на *-*ǫ* (здесь очевидна аналогия с формой *сын-ови*, поддержанная представлением христиан об Иисусе Христе как о *боге-сыне*). В «Слове» приводится и вариантная форма Д.п. после мягкого согласного — *моисѣ-еви*.

2. Во множественном числе экспансия В.п. в кругу существительных м. р. с основой на *-*о* была активной в XIII — XIV вв. Однако в «Слове» большинство словоформ И.п. мн.ч. сохраняют исконное окончание *-и* (*ангел-и, вѣтр-и, прообраз-и, источниц-и, уньц-и*); новые формы с флексией В.п. *-ы* употребляются спорадически и наряду с исконными формами, ср.: *цвѣт-и* и *цвѣт-ы, апостол-и* и *апостол-ы*. Среди форм И.п. мн. ч. отмечена одна словоформа с окончанием *-ове*, которое могло быть получено от типа на *-*ǫ* (ср. *сын- ове, дом-ове*). Но слово с этим окончанием *жид-ове*, пришло, по всей вероятности, из польского языка вместе с указанной флексией. В тексте выявлены аномальные формы И.п. *агньц-а...* *кроткыя от языкъ люди* наряду с *агньц-и* и *уньци скачють* и В. п. *волки и агньц-а въ едино стадо събравиаго*. Флексия *-а* В.п. — восточнославянская реализация старославянского [ǣ]; аналогичное окончание *-а* в И.п. — результат экспансии В.п., о которой говорилось выше.

3. Закрепление окончания *-овъ* существительных на *-*ǫ* (*сын- овъ, мед-овъ*) в формах Р.п. мн.ч. м.р. основ на *-*о* — наиболее ранний и последовательный процесс в истории именного склонения, потому что он устранял исконную омонимию форм Р.п. мн.ч. и И.п. ед. ч. существительных указанного типа (*отъ праведникъ, отъ грѣшникъ, отъ языкъ*). Однако в тексте «Слова» среди 13 словоформ Р.п. мн.ч. только две имеют флексию *-овъ- лик-овъ* и *грѣх-овъ*.

4. К письменному периоду в древнерусском языке парадигму типа с основой на *-*ǫ* представляли существительные *сынъ, вольт, домъ, ледъ, медъ, полъ, верхъ* и, по некоторым предположениям, *даръ, рядъ, пиръ, миръ, чинъ*. Эта парадигма разрушилась рано, но в данном списке «Слова» два последних существительных употреблены в своих исконных падежных формах Р.п. ед. ч. *мир-у* и И.п. мн.ч. *чин-ове*, что позволяет признать обоснованность высказываемых предположений.

5. В тексте «Слова» синтаксические позиции для форм двойственного числа ограничены, а представленные в нем словоформы дв.ч. существительных с основами на *-*о* (Т.п. съ двѣма *ангел-ома*) и *-*а* (Т.п. *над сима ног-ама*; М.п. *гвоздныя язвы на рук-у и на ног-у показаетъ Фомѣ*) имеют исконные окончания. Исключение из второй группы составляют формы В.п. дв.ч. существительных с окончанием *-и* (*руци, нози*), установившимся, вероятно, по аналогии с мягким вариантом того же типа. Такие формы употребляются параллельно с исконной формой В.п. дв.ч., ср.: *и вижь руц-и мои; вижю руц-ѣ твои*. Таким образом, можно утверждать, что в памятнике не отражается

утрата категории двойственного числа: немногочисленные формы дв. ч. в целом употребляются этимологически правильно.

6. Звательные формы в памятнике в основном сохраняются (*Фомо, Израилю, близнече, господи*); нами отмечен единственный случай вытеснения звательной формы именительным падежом: *но обаче любве дѣля соущая со мною братіа мало нѣчто скажемъ...* Любопытно, что данная форма употребляется наряду с исконными звательными формами — *братие* и в более поздней огласовке *братье*, появившейся после падения редуцированных.

7. По известным причинам становление категории одушевленности охватило сначала существительные муж. р. ед. ч. с древней основой на *-*o* и на ранней стадии, в XI–XII вв., затронуло только мужские имена собственные и слова, обозначающие полноправных лиц мужского пола (такие, как *князь, отець*). В тексте «Слова» представлены слова первой группы — имена собственные *Иисуса, Христа*, а также актуальные для жанра церковной проповеднической литературы лексемы — *Бога, Господа, Спаса, человека*. Эти примеры можно признать авторскими и дополнить ими тот перечень имен, который в научной литературе приводится для обоснования предположений о времени и последовательности становления категории одушевленности, а также для определения лексем с первичным проявлением этой категории. Вместе с тем в тексте нами отмечено и аномальное явление: в контекстах *глухимъ слуха даровахъ* и *тѣма ада попрахъ* выделенные неодушевленные существительные с основой на *-*o*, являясь прямым дополнением, должны иметь форму В.п. ед. ч., совпадающую с И.п. ед.ч. (*слухъ, адъ*), а не с Р.п. ед. ч. (*слуха, ада*). В данном случае совпадение В.п. с Р.п. можно объяснить тем, что категория одушевленности существительных находилась еще в стадии становления; об этом свидетельствуют исконные формы В.п. мн.ч. *человек-ы, патриарх-ы, ангел-ы*. Как известно, категория одушевленности проникает во мн.ч. лишь в XIV в.

Таким образом, изучение словоформ существительных в списке «Слова Кирилла Туровского на антипасху» XIV в. позволяет получить более полное представление о преобразованиях, происходивших в системе склонения существительных языка древнерусской народности в период ее распада и на раннем этапе формирования юго-западного восточнославянского диалекта, из которого в дальнейшем развились белорусский и украинский языки.